

Писатели среди руин

Выставка Ирины Затуловской в Музее архитектуры

Юлия Черникова

Выставка Ирины Затуловской «И.З. классики», составленная из портретов русских писателей и поэтов, помещает литературу в новое пространство. Это пространство руин, разрушений и забвения. Но также пространство очень острой, физиологической ностальгии и личных, ускользающих открытий. Внакладе при этом не остается никто: ни живопись, ни русская литература, ни выставочное пространство.

Ирина Затуловская давно нашла способ живописи, соединяющий и даже примиряющий предметный и надпредметный миры. Ее картины, а точнее – «живописные объекты» не стремятся к жизни не здесь. Они слишком посюсторонни. Вместо холста художница рисует на деревяшках, жестянках, осколках зеркал. В материалах Затуловской важна не только фактура, но и история, след прожитой жизни, предметная память. Краска останавливает распад предмета, и намеченный образ начинается набухать временем. Вглядываясь в него, явственно ощущаешь пульс истории.

Первый же портрет обнаруживает эту игру времени. Это, конечно, Пушкин. Но Пушкин не привычный, не тот, что «наше все». На треснувшем, расколотом зеркале едва заметен черный контур. Он есть, и в то же время его нет. Он родил русскую литературу и в то же время исчез в ее отблесках. Он известен каждому и в то же время остается в зазеркалье. Достоевский, икона русской литературы, с вытянутым серым лицом мрачно выглядывает из деревянного скворечника-

Независимая газ. - 2006.
- 5 окт. - с. 11.

рамки. Православный крест над его портретом – скорее, знак едва уловимой грусти о писателе, которого время неумолимо сделало иконой.

Образы русских писателей, представленные в музее архитектуры, обживают кирпичные стены флигеля-руины, теряются на подоконниках, прячутся в проемах настолько естественно, что кажется, будто специально созданы для этого странного, обнаженного пространства. В начале выставки – список из 33 пунктов. Вся история русской литературы уместилась на листе А4. Номер, имя, фамилия. Почему-то это напоминает расстрельный лист.

Это действительно в некотором смысле лист смерти (хотя в нем есть и Солженицын). Статус классика почти не совместим со статусом живого писателя, потому что от классика вечно требуют повторения уже однажды созданного. Судьба классика неминуемо превращается в биографию. В своих произведениях же Ирина Затуловская совершает обратное движение – от биографий к судьбам, от классики к живой памяти. Лев Толстой со снежной бородой среди снежинок и ворон, Булгаков с бабочкой на остроконечном стекле, Гоголь на золотом с подтеками фоне – все это очень личные образы, противящиеся хрестоматийности.

Если говорить точно, никакие это и не портреты. Это лики. Или тени. Русский писатель, если он не памятник, ведь и есть что-то среднее между ликом и тенью. ■

Юлия Черникова – арт-критик.